

https://www.trud.ru/article/06-12-2011/270375_dmitrij_xvorostovskij_v_rossii_ljublj_vystupat_gorazdo_bolshe_chem_v_amerike.html

Дмитрий Хворостовский: «В России люблю выступать гораздо больше, чем в Америке»

Самый знаменитый русский баритон намерен расширять сотрудничество с Большим театром

Мария Бабалова 06 Декабря 2011

«Когда меня освистали, я чуть не умер»

— Почему на свой нынешний концерт из цикла «Хворостовский и друзья» вы пригласили именно Марчелло Джордани?

— Марчелло я давно знаю. Он очень хороший тенор, у него потрясающие верхние ноты! Он — человек с бездной юмора, правда, черного. Мне нравится с ним иметь дело. С ним у меня связан первый опыт, когда меня освистали, а я и не понял. Мы с ним в Вене пели «Пуритан» в 1994 году. Пласидо Доминго дирижировал. А я тогда не знал, что такое «бу». Выхожу такой довольный-предовольный со сцены, счастливый-пресчастливый... «Чего ты смеешься? — говорят мне коллеги. — Сейчас тебя „забукали“!» Я спрашиваю: «А что это такое?» — «Освистали тебя, идиот!» Я чуть не умер. Тогда, я помню, «забукивали» нас всех, кроме болгарки Эдиты Груберовой — она в Вене была просто героиней.

— Публика «букала» справедливо?

— Нет, несправедливо. Это в любом случае хулиганство.

— А кого еще вы хотели бы пригласить себе в «друзья»?

— Я очень хотел, чтобы Сальваторе Личитра (*итальянский тенор, которого называли «новым Паваротти»*. — «Труд») приехал. Никак не могу поверить, что его больше нет. Какая жуткая и нелепая смерть — разбиться на скутере! Три месяца прошло, а я до сих пор его часто вижу — или во сне, или просто иногда

закрываю глаза, и передо мною его лицо — всегда улыбающееся: У меня много прекрасных коллег — замечательных певцов, которых, к сожалению, практически не знают в России. Я очень хотел, чтобы немецкий бас Рене Папе приехал. Человек он трудный, но большой артист. Или, например, очаровательная итальянка Барбара Фриттоли, или знаменитый аргентинский тенор Марсело Альварес, или тоже тенор Витторио Григоло, с которым я в Ковент-Гардене недавно пел «Фауста». Такой живчик — настоящий итальянец! Ужасно беспокойный, как дитя малое. Настоящий шоумен, очень талантливый парень! Я думаю, что публика его очень полюбит. Может быть, они все вместе приедут. Просто это нужно планировать заранее, а у нас так не получается.

— *А когда все-таки вместе дома споют две главные оперные звезды России — Дмитрий Хворостовский и Анна Нетребко?*

— Я Аню очень-очень люблю, уважаю. Она чудная. Я всегда за нее рад и горжусь ее успехами. И с ней на сцене работать, будь то концерт или спектакль, — одно удовольствие. От нее всегда исходит удивительная аура обаяния, радости и доброжелательности. Она очень позитивный человек. Поэтому с Аней я всегда рад петь, пожалуйста! Кстати, вместе с Аней в следующем сезоне буду петь «Онегина» в Вене. Это будет ее дебют в партии Татьяны. Но для того чтобы все состыковалось в каком-то специальном проекте, нужно уже договариваться — прежде всего с окружением и агентами Ани, а это совсем другая история. Я лично не хочу этим заниматься. Потому что если я о чем-то договариваюсь, то уже буквально даю руку на отсечение, но у многих людей семь пятниц на неделе... Я не хочу травмироваться лишний раз.

— *Вас легко обидеть?*

— Всякое предательство меня по-настоящему задевает. Но у меня есть целая система сдерживающих факторов. Натренированные мышцы душевные, которые помогают держать удар.

— *Вы когда-нибудь дрались?*

— Раньше дрался, а теперь уже много лет, даже десятилетий, никого не ударил: Я стараюсь не осуждать людей. Прохожу мимо и даже не говорю, что этот человек — кашка... Просто принимаю людей или нет.

«На гала-концерте в Большом за сценой творился бардак»

— *Какие ощущения у вас остались от участия в гала-концерте по случаю открытия Большого театра?*

— Большой театр — красивый, как всегда. Блистающий золотом, пурпуром зал... Но человек красит место, а не место человека. Посмотрим, что будет. В театре теперь свежие стены, все новое. Хоть и говорили, что реставрация была максимально бережной, я, честно сказать, в эти дела не верю. В театре новая акустика — по-моему, приличная. А со временем акустика становится лучше. Происходит химическая реакция стен, штукатурки — всего чего угодно. Будем на это надеяться. Вообще такой оркестровой ямы — огромной, широкой — я не видел никогда. Интересно.

Мне было хорошо в Большом театре. Мои родители были, моя жена тоже приехала. Они посмотрели театр, себя показали, познакомились с Дмитрием Медведевым, пожали руку Елене Образцовой, поцеловались с Тамарой Синявской, встретились с Евгением Нестеренко, Зурабу Соткилаве посмотрели в глаза. В общем, я остался доволен, все были счастливы. Хотя на самом гала-концерте был полный бардак за сценой. Меня охрана не хотела пускать в театр: выяснилось, что нас привезли и «выбросили» не у того подъезда. Огромное количество людей, декораций — все смешалось. После своего выступления я вышел в ложу и посмотрел остаток концерта. Мне особенно понравились тетеньки с цветами — парад билетерш. Ну и, конечно, балет прекрасный совершенно.

— *Неужели вам ослик не понравился?*

— Да, ослик! Это было прямо в стиле Дзеффирелли, у которого практически ни одна постановка не обходится без какого-нибудь животного. Но тут надо быть очень осторожным, потому что с крупным рогатым скотом бывает всякое. У меня с Анжелой Георгиу на премьере «Паяцев» в Ковент-Гардене случилось нечто. За сценой находилась очаровательная ослица, но, наверное, ей что-то слишком понравилось — или наоборот, не понравилось. И она закричала что есть мочи в разгар нашего любовного дуэта. В самый интимный момент, когда мы целовались и говорили друг другу ласковые слова, она стала кричать: «Иа!» Би-би-си делало трансляционную запись, и все это записалось. А мы с Анжелой, лежа на полу в любовных объятьях, тряслись от смеха.

— *К сожалению, Анжела Георгиу неудачно выступила в Большом театре — пела по нотам...*

— Она все равно лучшая! За ее роскошный голос, феноменальное звуковедение ее нужно любить и уважать. Прощать ей все. Просто Анжела не может жить без конфликта. Она этими конфликтами подпитывается. И просто приехать в Москву и спеть на концерте — для нее это было скучно. Поэтому она решила закатить скандал по поводу пюпитра, который ей принципиально не разрешили вынести на сцену. Хотя что тут особенного, не понимаю. В Ковент-Гардене был гала-концерт в честь Чайковского, и Пласидо Доминго с пюпитром, подглядывая в ноты, пел и арию Ленского, и романс «Нет, только тот, кто знал». Все было очень красиво, концептуально и режиссерски хорошо. И Анжела это неспроста делает. Для нее в этом есть определенный шарм. Она на концертах даже свои народные песни на румынском языке поет глядя в ноты. Рихтер последние годы на всех своих концертах смотрел в ноты. И что, он от этого Рихтером, что ли, перестал быть?

«Мозг Гергиева устроен как у женщины»

— *Вы видели премьеру «Руслана и Людмилы» в Большом театре?*

— Нет. Не могу представить, как бы я высидел четыре с половиной часа. Я не так сильно оперу люблю (*шучу!*). Для меня сидение по четыре часа в самолете — это каторга, мне нужно бегать, шевелиться, иначе я ужасно себя чувствую. Невозможно в опере сидеть так долго. Ну если только что-то суперинтересное происходит, тогда забываешь обо всем. Помню, я прилетел в Нью-Йорк откуда-то из Европы, а до Европы добирался из Азии. И сразу пришел на «Нос» Шостаковича в Метрополитен-оперу. И, честно признаться, приготовился спать. Но вдруг такое началось! Я так и застыл: «Какое чудо! Какая прелесть!» Мне было хорошо, и впечатление от спектакля осталось самое что ни на есть замечательное. И еще — Валерий Гергиев был за дирижерским пультом прекрасен.

— *С Валерием Гергиевым вы, к сожалению, редко работаете.*

— Гергиев — величайший музыкант нашего времени, глыба. Человек, который успевает одновременно делать столько, сколько другие не смогут никогда. Наверное, его мозг устроен как у женщины — он «многостаночник» и одновременно способен делать несколько вещей, причем абсолютно несовместимых, не теряя контроля над ними. Женщина может ехать за рулем,

красить губы и одновременно разговаривать по мобильнику. Однажды я лично был свидетелем того, как с ним происходило что-то подобное. Гергиев дирижировал мной и оркестром, перед ним была не партитура, а написанный от руки клavier, причем в другой тональности, еще наушник в ухе — он разговаривал по телефону со своим агентом, перед ним бежал композитор, написавший эту музыку, и поправлял его. Подобное можно увидеть только в фантастических фильмах.

— *А можно ожидать, что это ваше выступление в Большом театре будет иметь продолжение?*

— Конечно, я выступал с умыслом. Просто так я бы не согласился. Без умысла я практически ничего не делаю. Жизнь — она короткая. Хотелось бы сделать что-то интересное в ближайшей перспективе, чтобы запомнилось и мне, и всем. Сейчас ведутся переговоры, пока достаточно успешно. Но в нашем деле не бывает так, что взял и сделал за секунду. Поэтому я не хочу что-либо оглашать раньше времени. Зачем лишний раз воздух сотрясать? Надеюсь, что все будет так, как задумано. Потому что очень хотелось бы показать то лучшее, на что я способен на оперной сцене, именно в Москве. Во всех остальных жанрах, думаю, в Москве я даже преуспел.

— *Вы имеете в виду прежде всего свои проекты с Игорем Крутым?*

— Все свои концертные выступления, и работу с Игорем тоже. Часть нашей новой работы, второй после «Дежавю», уже была показана в Юрмале летом. Игорь — великолепный мелодист, и, кажется, красивая программа получается. Премьера ее назначена на осень будущего года. Сейчас Игорь пишет для женщин — Лары Фабиан и Суми Джо. Посмотрим, что получится. В принципе я готов к тому, что песни появятся только в последний момент и мне надо будет успевать и записывать, и учить их одновременно.

«Предложения рекламировать водку всегда отклонял»

— *А почему вас вдруг на сладкое потянуло — вы же снялись в телерекламе шоколадных конфет?*

— Всякая реклама — это, конечно, заработок. Но я эти конфеты и вправду всегда любил. Мне много что порекламировать предлагают — в частности, водку.

Я всегда отклонял подобные предложения. А вот от конфеток трудно было отказаться.

— Сейчас в российском прокате идет красивый фильм «Музыкальная одиссея в Петербурге» — ваш бенефис в дуэте со знаменитой американской певицей Рене Флеминг. А почему, вопреки первоначальному замыслу, вы отказались выступить в картине в амплуа гида, передоверив эту миссию своей партнерше?

— Меня тянули за уши, а я упирался. И уперся. Наверное, обидел этим многих. Но я категорически не хотел этим заниматься с самого начала. Просто люди, может быть, недопоняли. Надо было, может, не десять, а сотню раз повторить... Ну, пришлось топнуть ногой. Кстати, в русской версии фильма убрали практически все монологи Рене, потому что это не нужно нашей публике. Сосредоточились на музыке, на великолепных видах дворцовых залов Петербурга. По-моему, получилось интересно. Режиссером фильма является именитый Брайан Ларч, который снимал еще Марию Каллас, а сегодня он автор практически всех мировых телетрансляций из лучших оперных театров. Мы снимали фильм два с половиной года назад. В Европе и в Америке его увидели значительно раньше, чем в России.

«Не нравится снимать штаны перед секьюрити»

— Почему в последнее время вы довольно много по сравнению со своими столь же именитыми коллегами стали выступать не в столичных городах России?

— Много лет назад, мальчиком еще, я был на локальных гастролях где-то в Красноярском крае. Стояли жуткие морозы. По дороге мы увязли в снегу. Приехали с большим опозданием. Там в красном уголке на хлебозаводе сидели дедушки и бабушки в валенках. Мы переодевались за трибуной, потому что гримерки не было. И с Ларисой Марзоевой, тогдашней моей партнершей по концертам и многим постановкам в Красноярском театре, пели арии и дуэты из опер Верди, конечно, под совершенно раздолбанный рояль, без оркестра. А эти бабушки с дедушками слушали и плакали. Это был едва ли не самый запоминающийся концерт в моей жизни. Тогда я для себя что-то крайне важное понял, хотя был довольно саркастически настроен по отношению к публике, репертуару и так далее. Публика — всегда публика, будь она пафосная столичная или трогательная провинциальная. И, ездя по российским городам, я чувствую невероятную любовь публики к себе. Очень ценю это и стараюсь отвечать

взаимностью. Люблю в России выступать гораздо больше, чем за рубежом, например в той же Америке.

— *Из-за чего?*

— Мне не нравится болтаться по аэропортам и снимать штаны перед секьюрити. Всех поставили раком. А если ты уважаемый, известный человек, то служащий у проходного экрана будет рад тебя унижить только потому, что он в дерьме, а ты — в облаках. Поэтому я эти дела не люблю, не любил и никогда не буду любить. И это отнимает огромную часть моего времени и нервов. Я, видите ли, выходит, какой-то потенциальный террорист! Вообще, конечно, чаще люди встречаются доброжелательные, но убогие. Поэтому я живу в своем коконе. И стараюсь никого туда не пускать.

— *Это как — в коконе?*

— У меня есть определенный круг людей, которых я люблю и допускаю до себя, с которыми мне комфортно. Хотя, конечно, у меня работа публичная, я весь открыт. Но на сцене я другой человек. А когда приходит время закрываться, я закрываюсь.

— *Но ведь наверняка многие признаются вам в любви. Как вы реагируете?*

— Отношусь к этому с юмором. А как по-другому? Иначе можно и с ума сойти.

— *После долгого тура по России и ее окрестностям — от Ташкента до Омска, от Киева до Казани и от Рязани до родного Красноярска — у вас какие планы?*

— Под Рождество закончу болтаться по городам и весям нашей страны и улечу в Америку. Там у меня начинается серия спектаклей «Эрнани» в Метрополитен-опере. Перед этим еще успею спеть гала-концерт с Рене Флеминг в Чикаго, а до этого должен буду съездить в «Феникс». Потом я улечу в Вену, где у меня будет три спектакля «Симон Бокканегра». Потом — снова в Нью-Йорк, на «Травиату» с Натали Дессей. Вот такие три большие постановки опер Верди, в которых я буду участвовать. А там уж, надеюсь, можно будет и чуть-чуть дух перевести.

— *Главный музыкальный журнал Америки — Opera News — назвал вас среди своих героев за прошлый сезон. Это звание считается очень престижным. Оно важно для вас?*

— Нет. Любая награда, любое звание означает, что какой-то определенный итог подведен. Но отношусь я к этому с волнением. На торжественной церемонии мне нужно будет произнести речь. Не знаю, о чем я буду говорить. Если стану готовиться, писать себе какие-то слова, это будет не мое. Вот посмотрим, что я скажу, выскочив на сцену. Может быть, начну говорить ерунду... Но, во всяком случае, буду говорить искренне. Для меня важно совсем другое. Например, то, что когда я прихожу в Метрополитен-оперу, вижу знакомые благожелательные лица. Каждый второй монтировщик сцены меня окликает, интересуется: «Как дела? Как дети — Максим и Нина?» То есть они помнят и любят меня.

— *И как ваши Нина и Максим поживают?*

— Хорошо. Максиму восемь лет, Ниночке — четыре. Дети радуют меня и мою жену. Они — самое-самое тонкое, нежное, восторженное и прекрасное, что у меня есть в жизни. Мы живем в любви, и нам очень недостает друг друга, когда мы разлучаемся:

Резюме «Труда»

Дмитрий Хворостовский, оперный певец

Родился в 1962 году в Красноярске.

Учился в Красноярском институте искусств, окончил в 1988 году.

Работал в 1985–1990 годах солистом Красноярской оперы. С 1990-го поет в лучших театрах мира.

Основной репертуар — итальянские и русские оперы. Номинант «Грэмми» за DVD «Евгений Онегин» (2009 год).

